

Мэрион Куттс

The Iceberg: A Memoir

Перевод Марии Седовой

2.8

Итак. Будущее без особых сантиментов и с нескрываемым аппетитом пожирает настоящее. Мы знаем об этом не понаслышке. Том все меньше разговаривает со мной. Так мы договорились. Осознанный выбор слов, без которого невозможно свободное рождение речи, дается ему все мучительнее. Необходимо внимание и великое усилие мысли, и даже этого может быть недостаточно. Борьба идет с переменным успехом, но по сути теперь не прекращается.

Ломаются механизмы, посредством которых его интеллект находит свое выражение в языке. Рушатся глыбы речевых конструкций. Образуются бреши. Тянутся трещины. Внезапно оказываются парализованными каналы, обеспечивающие коммуникацию разных районов сознания. Он связывает слова в сети словно веревки. Он мастер импровизировать, настоящий ас перехода от мысли к слову. *Оптимизм, содержание, публикация, оркестр, лестница.* Вчера эти слова были утеряны, не могли быть вызваны в памяти или сказаны. Сегодня он вернул их себе методом проб и усилий, надолго ли? Том не из тех, кто паникует. Что случилось бы с нами, поддайся он панике? Его самообладание обрело для нас стратегическое значение. Что станет, когда все эти слова будут утеряны безвозвратно? Не будет ни оптимизма, ни содержания, ни публикации, ни оркестра, ни лестницы.

Его запас слов истончается. Случаются временные провалы. Вскоре нужные слова приходят, но их больше нет под рукой. Пока я пишу – *больше нет под рукой* – слова у меня под рукой. Я знаю, что это за слова. Знаю, что они означают. Знаю, в каком порядке их ставить и как писать. Я знаю, что *под рукой* в данном случае не имеет прямого отношения к моей руке. Ему же это более не доступно. Буквы не слушаются, слоги норовят поменяться местами, похожие звуки путаются. Сложность этой задачи столь велика, что временами не поддается осознанию: порой это едва заметно, будто дефект в цифровом треке, порой сюрреалистично, словно откуда-то скопировали целый кусок бессвязного сообщения, и мы оба стоим и смотрим друг на друга в недоумении. Это как дорожная пробка, в которой движение идет медленно, еле-еле. Когда же этот процесс переходит в хроническую форму, все останавливается. Что означает *работа*? Что такое *конечно*? Он знает, что такое работа и как ее делать. Но как это слово пишется? За последние две недели правописание стало серьезной проблемой. Вверху монитора я наклеила ленту с красными буквами алфавита. Я сделала ставку на буквы. И это сработало, вроде бы, на какое-то время.

Вот мы обедаем в кафе в парке, и он вспоминает свой вчерашний разговор с Марком. Он вспоминает, как он сказал: «*Когда-то я был разговорчивым малым*». В ответ я низко опускаю лицо над белым диском тарелки и ставлю свой лоб на ее поверхность. Это жест в шутку, шаг в сторону. Я не осмелюсь идти в открытую. Иначе я бы просто сломалась, обмякла, как кукла, лишившаяся каркаса. Собрать меня было бы никому не под силу.

Когда-то я был разговорчивым малым. Мы познакомились, болтая на вечеринке. Уже год, как я уехала из Голландии и жила в Лондоне. Я оставила старую счастливую жизнь с некоторыми неурядицами и отправилась на поиски новой, более упорядоченной счастливой жизни – как будто жизнь художника можно было назвать упорядоченной – не имея каких-либо связей, денег или особой привязанности к месту. У меня была ужасная студия на Кингс-Кросс, работа с неполной занятостью и общие представления о том, чем я хочу заниматься. Без каких-то особых ожиданий я села на велосипед и поехала на вечеринку в северный район Лондона не столько в погоне за наслаждениями,

сколько руководствуясь скромными соображениями, более мне присущими – решив, что общение с людьми в этот переходный период принесет больше пользы, чем просто сидение на диване. Нежелание сидеть на диване нередко служило достаточным оправданием для ночных вылазок, и все же было довольно непривычно ехать на велосипеде по городу ночью.

На вечеринке знакомых было не много: хозяйка, да еще пара-тройка лиц. Я сразу заметила, что самая интересная компания образовалась вокруг него. Том был уже немного навеселе, его не заботила обратная дорога домой, поскольку он жил напротив. Не помню, о чем мы тогда говорили, только в какой-то момент остальные собеседники – женщина и другой мужчина – отступили. Поверхность стола была усеяна алюминиевыми крышками от бутылок, пробками, сигаретами, остатками закусок, ложками, петельками от жестяных банок, апельсиновыми корками, и, пока мы разговаривали, он постоянно вертел в руках то один, то другой предмет: делал упор на чем-то, крутил сигарету, двигал лежащие на столе вещи и так и сяк, словно дирижировал пространством, развернувшимся перед ним как карта или настольное поле боя, не слишком часто поднимая на меня глаза, но не теряя нити разговора. Слова нас свели. На следующий день в двенадцать он позвонил.

В пространстве последнего месяца слова и значения предстают над неподвижной поверхностью бассейна нашего существования, словно вода, испаряющаяся постепенно, вдруг достигла такого уровня, когда это стало заметно. Мы лежим оголенные. Вода отступает. Ее белый след остается на стенках.

Немногословность – один из симптомов опухоли мозга, но в равной степени это и симптом самого человека. Последние 18 месяцев еженедельно он пишет по две статьи объемом около 1500 слов и 1000 слов. Это минимум. Иногда приходится работать больше. Подготовка статей требует появления в обществе, знакомства с предметами искусства, посещения выставок, анализа впечатлений для превращения их в нечто осмысленное. Его тексты по-прежнему отличаются ясностью, оригинальностью и меткостью. Забавно. Его стиль, всегда близкий к телеграфному (помню, я даже как-то спросила: «Почему ты пишешь такими короткими предложениями?»), проявляется все отчетливее. Он рискует стать

пародией на самого себя: тут и там по всему тексту мелькают точки, запятые, тире, усеченные фразы. Здесь все движется по законам языка. Все логически связано. Образец простоты и выразительности. Его цель – донести до читателя суть в безупречной форме. Его статьи публикуют. Никому даже в голову бы не пришло.

С каждым днем он все дольше засиживается за работой. Привычное дело требует в два, если не в три раза больше времени, забирает больше усилий, чем мы можем себе представить. Что происходит в мозгу, когда он не может найти слово *конечно*? Где происходит поиск замены? Том всегда был хитрецом. Он выжидает, он думает и снова ждет. Он не сдается. Мы все еще сидим в кафе, мое лицо опущено на тарелку, он медленно произносит: «*Уловить суть, передать ее в слове образно и лаконично – моя работа на протяжении многих лет. Моя гордость*». Я словно приклеиваюсь щекой к тарелке, которая подобно раме удерживает невыносимую тяжесть моей головы. Прохладно. Глаза закрыты. Я не вижу ни его, ни кафе, ни площадь.

В отчаянии иду с Ивом на детскую площадку памяти принцессы Дианы. Он остается в поле моего зрения.

- Ну же, поиграй! – говорит он, поворачиваясь в нашу сторону. – Давай же.
- Мне грустно.
- Никто не запрещает одновременно грустить и играть.

Отличается ли мир человека счастливого от мира человека несчастного? Оба состояния истинны и реальны, обе крайности присутствуют в один и тот же момент времени, неотделимы друг от друга, сосуществуют. Их границы четко очерчены. Мы живем в рамках, где все концентрировано, одна противоположность тесно прижата к другой, и мы сдавлены между ними. Их невозможно не замечать. Если бы вдруг границы сместились, скажем, сегодня позвонил бы доктор Б. сообщить нам о том, что *произошла ошибка в лаборатории*, давление бы исчезло. Но это давление – всюду, хоть и слабое, как поверхностное натяжение капли. Нет способа убедить себя в том, что ты счастлив или вернуть себя в это состояние мысленно. Невозможно притвориться счастливым. Жизнь прежняя кажется невыносимой, основанной на притворстве.

Ив рыл канаву в песке, а я шла за ним, чувствуя одновременно и радость от созерцания сына, и отчаяние от того, что Том лишен возможности быть с нами, а Ив – возможности играть рядом с ним. И это один и тот же мир в один и тот же миг в пространстве. Умиряющие атомы соседствуют с живыми, но их масса намного значительнее, она превышает все мыслимые пределы. Ив ловит пузыри из мыльного пистолета.

– Смотри, мам, звездочки! Миллионы звездочек!